

Глава 1

Сквозь сон я услышал стук в дверь.

— Андрей Лаптев, вставай! На вахте сказали, что ты здесь.

Я открыл глаза, посмотрел на часы. Половина двенадцатого! Мне удалось поспать всего час. В десять утра я пришел в общежитие после дежурства, уставший, вымотавшийся за сутки, только прикрыл глаза — и на тебе! Какой-то незнакомец долбит в дверь с такой силой, словно выломать ее хочет.

— Андрей, дело срочное, отлагательств не терпит!

Я сунул ноги в тапочки и как был, в одних трусах, пошел к двери. На пороге стоял незнакомый парень. Я видел его на заводе, но кем он работает и как зовут, не знал.

— Что ты ломишься, как пьяный, в чужую квартиру? — спросил я. — Ты не видишь, что дверь вся разболтанная, на одном честном слове держится?

— У нас ЧП! — не обращая внимания на мой вызывающий тон, сообщил незнакомец.

— Какое еще ЧП? Дохлая крыса в тестомесильную машину попала или мука на заводе закончилась?

— Главный инженер повесился.

Я на секунду оторопел, не зная, как отреагировать на известие о самоубийстве человека, который откровенно недолюбливал меня. Да что там недолюбливал! Главный инженер Горбаш ненавидел меня, ждал случая поквитаться за унижение, и вот теперь он болтается в петле... Но я-то тут при чем?

— Где он вздернулся? — задал я первый пришедший на ум вопрос. — В заброшенном теплоузле? Хорошее место, там трубы под потолком, не надо крюк выискивать. Давно его нашли? Всего полчаса назад? В милицию сообщили?

— Участковый должен прийти с минуты на минуту.

— Вот об участковом давай и поговорим. Хлебозавод стоит на территории Центрального РОВД. Я работаю в Заводском. Скажи, зачем мне в чужие дела лезть? Мне что, делать больше нечего, как у центральщиков под ногами путаться?

— Тебя директор хочет видеть.

— Мать его! — с досады выругался я. — Что за ма-нера тянуть kota за хвост! Ты сразу не мог сказать, что меня Алексей Георгиевич вызывает? Он где? У себя? Сейчас приду.

Если бы после дежурства меня захотел увидеть начальник управления хлебопекарной промышленности облисполкома или начальник милиции Центрального района, я сказался бы больным и лег дальше спать. Но директор! Ему я отказать не мог.

Директор хлебозавода Полубояринов выделил мне отдельную комнату в заводском общежитии. Во всем городе он оказался единственным руководите-

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

лем, кто согласился приютить меня. По утвержденным в горисполкоме правилам отдельные комнаты в ведомственных общежитиях предоставляли только работникам с детьми или специалистам, проработавшим на заводе не менее десяти лет. Мне было двадцать два года, я был холост и к хлебопекарной промышленности не имел ни малейшего отношения. Собственное жилье, хоть от милиции, хоть от горисполкома, мне пришлось бы ждать несколько лет, а я получил его через двадцать дней после начала работы в уголовном розыске Заводского РОВД. Долг платежом красен! Полубояринов имел полное право вызвать меня к себе в любое время дня и ночи.

Не теряя времени, я быстро оделся, подошел к столу за сигаретами. От окна сквозило. Щели между рамой и косяком были чуть ли не в палец толщиной. Чтобы заделать их, понадобился бы огромный кусок ваты, а где его взять?

«Сразу осеннюю куртку надеть или после директора подняться?» — подумал я, поежился и решил идти в джинсах и легком свитере.

Погода за утро изменилась. Когда я заканчивал дежурство, моросил мелкий дождик, а сейчас за окном плавно проплывали снежинки. Конец октября! Если наступят холода, то снег ляжет и уже не растает до самой весны.

Кабинеты директора, главного инженера, технологов, бухгалтерия и касса располагались на первом этаже нашего общежития. Здесь же были проходная на завод и актовый зал. Отдельного административного здания на хлебозаводе не было.

Полубояринову Алексею Георгиевичу было около пятидесяти лет. Он был невысокого роста, круглолицый, с выступающим под одеждой животом. Хлебозаводом руководил с середины 1970-х годов, был на хорошем счету у руководства, план по выпуску продукции выполнял и перевыполнял. За два с половиной месяца моего проживания на территории завода я видел Полубояринова всего три раза: дважды мы поздоровались, случайно встретившись на проходной, один раз он поинтересовался, как я устроился на новом месте.

В кабинете директора было накурено, сизый дым висел слоями и в открытую форточку выветриваться не желал.

— Садись! — Директор указал на стул у приставного столика. — Ты, говорят, только утром приехал с суточного дежурства? Устал, поди? Понимаю, но ничего не поделаешь! Кроме тебя мне послать некого.

— Алексей Георгиевич, не знаю, чем могу помочь, но все, что вы попросите, сделаю.

— Делать ничего особенного не надо. — Директор ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговичку рубашки. — Сходи в теплозел, постой там где-нибудь в уголке, посмотри, как твои коллеги работать будут, какие версии выдвинут. Сам понимаешь, дело не шуточное! Если бы повесился главный инженер какого-нибудь машиностроительного завода, то это было бы, без сомнения, ЧП, но не катастрофа. Железяки они и есть железяки, а мы хлеб выпускаем, наша продукция по всему городу расходуется, а тут — мертвец висит.

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Он же не в цеху повесился, а в заброшенном теплоузле. До ближайшего хлебохранилища метров пятьдесят будет.

— Если слухи поползут по городу, то кому ты объяснишь, что он нашел самый укромный уголок на заводе? Слухи они и есть слухи. В прошлом месяце неизвестно откуда пошел слух, что в буханке с первого хлебозавода мышь нашли, так к ним три комиссии приезжали, все закоулки облазали, мышиный помет искали. Ничего не нашли, но главному технологу выговор дали. Придрались к какой-то мелочи и наказали.

— Как нашли Горбаша?

— О, там целая детективная история! — Директор полез за сигаретами, но передумал — в кабинете и так нечем было дышать. — В шесть утра его жена позвонила на проходную, поинтересовалась, когда муж с работы ушел. Вахтерша посмотрела записи и видит, что вчера он зашел на территорию завода, а назад не вышел. В половине девятого на проходную заступила новая вахтерша, узнала о звонке и тут же доложила мне. Я подождал до начала рабочего дня, вижу, Горбаша нет ни в кабинете, ни в бухгалтерии, и дал указание проверить территорию. Мало ли что с человеком может случиться: сердечный приступ или сознание внезапно потерял. Хотя я сразу же заподозрил что-то неладное. Какой приступ — Горбаш был здоров как бык. Курил много, так от этого еще никто скоростижно не кончался. Капля никотина только лошадь убивает... М-да, что-то я не о том. Мы о чем говорили? А, где его нашли! Значит, так, мужики все цеха осмотрели, все склады проверили, а про новый

теплоузел даже не подумали. Он уже второй год заброшенный стоит. Бригадир грузчиков догадался замок на теплоузле проверить. Замка на месте не оказалось, а внутри наш дорогой Владимир Николаевич висит.

— Все понятно. Я пошел?

— Погоди, там вот еще какое дело, — остановил меня директор. — Горбаш, когда веревку к трубе привязывал, на строительные козлы залез, а на пол, прямо возле ножек, положил брикет шербета. Меня этот шербет больше всего с толку сбивает. Что он хотел этим сказать? На что намекал?

— Ерунда! — не согласился я. — Шербет на месте самоубийства мог оказаться случайно.

— Свежий шербет в закрытом теплоузле? Как он там случайно окажется? Это его с собой Горбаш принес. Не буханку хлеба взял, не батон и не булочку, а брикет шербета. В этом что-то есть, какой-то намек, какая-то загадка. Придешь на место — проконтролируй, чтобы о шербете лишних разговоров не было.

— Сделаю! — заверил я директора и вышел из кабинета.

По пути к себе я заглянул на проходную, попросил тетрадь с записями. Вахтерши, чтобы знать, где находится руководство предприятия, завели тетрадку, в которой напротив фамилий директора, главного инженера и главного технолога ставили плюсы и минусы. Зашел на территорию — минус, вышел — исправили на плюс. За вчерашний день, 28 октября 1982 года, главный инженер зашел на территорию завода пять раз, а вышел — только четыре. Последний минус так и не остался незачеркнутым.

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Вашу сменщицу не насторожило, что Горбаш после окончания рабочего дня не вышел с завода? — спросил я.

— Мы же тетрадь в руки берем только когда инженер или директор через проходную проходят, — пояснила вахтерша. — Тут за день столько народу войдет и выйдет, что всех и не упомнишь.

Я поднялся в комнату, оделся и пошел в новый теплоузел.

Глава 2

Сразу за проходной начиналась главная площадь хлебозавода. Не большая и не маленькая, но вполне широкая, чтобы на ней могли разехаться два грузовика-муковоза. Асфальтированные дороги вели с площади к производственным корпусам и подсобным помещениям.

Самым большим зданием на заводе был пятиэтажный главный корпус. Особенностью его архитектуры были не высокие потолки и не огромные окна, а пятый этаж, занимающий только среднюю часть здания. С земли этот этаж не было видно, и я до некоторых пор даже не подозревал о его существовании. На пятом этаже изготавливали торты — продукцию дорогостоящую, не подлежащую длительному хранению. Ниже был цех по изготовлению сувенирных пряников и шербета, еще ниже — основной пряничный цех, с тоннельной печью и складскими помещениями. Первый и второй этажи занимали цеха хлебопекарного производства.

Напротив главного корпуса был длинный одноэтажный цех по производству булочек и батончиков. Там же стоял единственный на заводе автомат, выпе-

кающий жареные трубочки с повидлом. За двумя основными цехами, на всю длину хлебозавода, шел двухэтажный корпус, в котором чего только не было! Начинался он со склада бестарного хранения муки, далее шли промышленные холодильники, склады, заводская столовая, вновь склады и подсобные помещения.

Практически весь второй этаж отводился для нового пряничного цеха с самым современным оборудованием, в основном импортного производства. Но этот цех бездействовал. После года работы нового пряничного цеха срочно вызванная из Москвы комиссия пришла к выводу, что фундамент здания не рассчитан на нагрузку, создаваемую современным оборудованием, и в любой момент может дать трещину или того хуже — может обвалиться потолок. Работу цеха немедленно прекратили, оборудование демонтировали, частично распихали по складам и пустым подсобным помещениям, а частично оставили ржаветь на улице, у забора со стороны железнодорожной линии.

Новый пряничный цех отоплением и горячей водой должен был обеспечивать отдельный теплоузел — самое последнее помещение во вспомогательном корпусе. За теплоузлом был бетонный забор, напротив него — булочный цех. Именно здесь, в бездействующем теплоузле, и покончил жизнь самоубийством главный инженер Горбаш.

Выйдя с проходной, я, поскользываясь на замерзших за ночь лужах, пересек главную площадь, обогнул булочный цех и направился к теплоузлу. Двери в нем были раскрыты, у входа стоял молоденький

лейтенант в новом форменном пальто, с кожаной папкой под мышкой.

— Привет! — панибратски сказал я, хотя видел его в первый раз.

— Гражданин, идите, откуда пришли, не мешайте работать! — нахмурился лейтенант.

— Я не гражданин, — улыбнулся я и достал служебное удостоверение. — Я из уголовного розыска Заводского РОВД.

— А здесь что делаешь? — удивился коллега, сразу перейдя на «ты».

— Живу я тут. На входе четырехэтажное жилое здание видел? Это общежитие. Моя комната выходит окнами на завод.

— А... тогда понятно, — протянул лейтенант.

— Ты, как я понял, участковый? Новенький, что ли? Я старого участкового видел. Усатый такой, майор. Ему на пенсию пора, а он все в участковых ходит. Залетчик, поди?

— Да нет, он нормальный мужик, но с понедельника в отгулах. Отпросился у начальства к родственникам в деревню съездить, а тут такое происшествие! Мой участок дальше, за промзоной. Частный сектор, склады, два магазина.

Лейтенант обернулся:

— Ты знал его? — кивнул он внутрь помещения. — Говорят, был большим начальником.

— Главный инженер. Это примерно как заместитель по оперативной работе в райотделе.

— О, тогда, конечно! — согласился участковый. — Представляю, если бы наш зам вздернулся, сколько бы беготни было.

Я двинулся внутрь. Участковый заградил мне путь.

— Ты что! — опасливо осмотрелся он. — Туда нельзя. До приезда оперативной группы велено никого не пускать!

— Перестань ерунду городить! Я что, первый раз на месте происшествия?

На правах старшего товарища, к тому же местного, я бесцеремонно отодвинул участкового и вошел в теплоузел.

— Ты бы на ветру не стоял! — посоветовал я. — Не май месяц. Просквозит, заболеешь, кто за тебя работать будет?

Участковый нехотя вошел, но не дальше, чем на два шага от двери. Я же прошелся вокруг валяющихся на полу козел, посмотрел на свисающее с потолка тело, ногой поддел брикет шербета.

— Не трогай здесь ничего! — испугался участковый. — Приедет следователь, узнает, что мы обстановку на месте происшествия изменили, нас обоих накажут!

— погоди раньше времени жуть наводить! — грубо оборвал я его. — Здесь есть одна лишняя деталь.

Я поднял шербет, поднес к двери, чтобы получше рассмотреть на дневном свете.

— Так и знал! — воскликнул я. — Бракованная продукция!

Не успел участковый ахнуть, как я размахнулся и зашвырнул брусок на крышу булочного цеха. Одинокая ворона, бдительно контролировавшая территорию завода с крыши общежития, взлетела, дала круг над булочным цехом и спикировала на внезапно

появившуюся поживу. Голубей, примостившихся на подстанции, шербет не заинтересовал.

— Ты с ума сошел? — в отчаянии застонал участковый. — Зачем ты вещественное доказательство выбросил?

— Помолчи и послушай! — властно велел я. — Я не первый день на заводе живу и знаю что к чему. Этот брикет успел плесенью покрыться, значит, украли его из варочного цеха не меньше недели назад. К покойнику он не имеет ни малейшего отношения. Следовательно, когда приедет, обратит на брикет внимание и пошлет тебя искать, кто и когда его принес в это помещение. Даю гарантию, ты пробегаешь по заводу до глубокой ночи, но ничего не найдешь. Никто не признается, что украл шербет и хотел вынести с завода, но не смог. На нашем заводе мелкие кражи случаются. Здесь же не монастырь, где все — святые, здесь обычные люди работают. Дернул кого-то черт брикет хапнуть — подошел к проходной, увидел, что охрана на КПП усилена, и не стал рисковать. Вернулся назад, спрятал шербет здесь, в теплоузле.

— Как это вор в закрытое помещение смог попасть? — недоверчиво спросил участковый.

— Перед началом отопительного сезона слесари проверяли систему отопления и могли ворота на замок не закрыть. Тут мимо шел вор... Кстати, где замок? Как его открыли?

Лейтенант охотно поменял тему разговора. В мою версию о появлении в теплоузле шербета он не поверил, но для себя уяснил, что если он проболтается, то отвечать за утрату вещественного доказательства при-

дется ему, а не мне, праздношатающемуся коллеге из другого отдела.

Пока участковый рассказывал, где был обнаружен замок, я обошел труп, всмотрелся в лицо главного инженера. Обычно повесившийся или повешенный выглядит отталкивающе, а иной раз просто омерзительно: высунувшийся синий язык, перекошенное болью лицо, и все такое, от чего у слабонервных случаются спазмы желудка. Горбаш в петле выглядел умиротворенно, словно исполнилось его давнее желание, и он наконец-то обрел вечный покой.

«Что-то тут не то! — подумал я. — Агония не зависит от воли человека. Как бы ни хотел расстаться с жизнью Владимир Николаевич, после потери сознания он бы не смог контролировать свои рефлексy. Язык у него высунут, но как-то странно, словно он хотел кого-то подразнить в последние свои секунды».

От плеча повесившегося до трубы под потолком было примерно полметра. Расстояние достаточное, чтобы самому завязать узел. В полутемном помещении я не смог рассмотреть веревку, но предположил, что она слишком тонкая, чтобы применяться для погрузочно-разгрузочных работ на заводе. Скорее всего, главный инженер принес ее с собой. Одет Горбаш был как обычно: серый костюм, белая рубашка, темно-синий галстук. Я ни разу не видел его без галстука и без пиджака. Рубашки он носил только белого цвета, всегда свежие, с чистым воротником. Итээровский шик, культура производственного поведения!

— Ты давно в уголовном розыске работаешь? — оторвал меня от осмотра участковый.

— Два с половиной месяца.

— Всего? — изумился лейтенант.

Он явно обиделся. По моему уверенному тону участковый решил, что я — мастер сыска, не успевший состариться на службе ветеран, а оказалось — его ровесник, в милиции без году неделя.

— К этим двум месяцам приплюсуй четыре года учебы в Высшей школе милиции.

— Так то учеба... — разочарованно протянул он.

— Это у тебя была учеба в институте, а у меня — служба. Кто нашел труп?

Лейтенант открыл папку, сверился с записями:

— Некто грузчик Бобров.

— Знаю такого. Со мной на одном этаже живет. Он ничего тут не трогал?

— Побожился, что только к телу подошел, пощупал ноги, убедился, что инженер мертв, и пошел руководству докладывать.

Я выглянул на улицу. Двое мужиков покуривали у стены булочного цеха в ожидании новостей. Группка женщин, сгорая от любопытства, стояла немного поодаль.

— Серегу Боброва позовите! — велел я, ни к кому конкретно не обращаясь.

В этот момент булочный цех обогнул милицейский узик. Приехала опергруппа.

— Стоп! — успел крикнуть я. — Бобра не надо. В общаге с ним поговорю.

Автомобиль дежурной части Центрального РОВД остановился у входа в теплоузел. Из него вышли эксперт-криминалист с чемоданчиком, инспектор

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

уголовного розыска и следователь, тридцатилетняя женщина с погонами старшего лейтенанта. Следователь заглянула в помещение и заявила, что трупом она заниматься не будет, не ее подследственность.

— Я вообще не понимаю, зачем мы сюда приехали? — сказала она. — Самоубийцами должен участковый заниматься, а дежурный нас послал.

— Алена, давай хоть труп осмотрим, — попросил инспектор. — Может, это вовсе не самоубийство.

— Ничего не знаю! — фыркнула следователь. — Если это убийство — вызывайте прокурора, если суицид — сами осмотр пишите.

Она села в уазик и больше наружу не показывалась. Минуты через две приехал судебно-медицинский эксперт на автомобиле, приспособленном для перевозки трупов.

Пока на улице шло препирательство, я продолжил изучение следов в теплоузде.

«Если в это помещение заходили только Горбаш и Бобров, то почему так много следов вокруг козел? Я близко не подходил, а на полу вся пыль в отпечатках обуви, все затоптано».

— Где Пименов? — спросил инспектор уголовного розыска, принявший руководство на себя. — Иди, сфотографируй следы на полу. О, а ты кто такой? Понятой? Сходи, погуляй пока. Мы тебя потом позовем, когда надо будет протокол подписывать.

— Я из уголовного розыска Заводского РОВД, — представился я.

— А здесь что делаешь? В общежитии живешь? Тебя, поди, директор послал? Когда я жил в фабричном общежитии, точно такая же фигня была! Что бы ни стряслось, за мной посылают. Прибежит комендантша, глаза выпучит, пальцем в пол тычет: «Там, на первом этаже, мужики драться собрались, сходи разгони!» Или директор вызовет: «У нас в раздевалке прядильного цеха снова вор завелся. Опроси всех работников, будем эту сволочь вычислять». Так как, говоришь, тебя зовут, Андрей? Я — Максим Павлович. Ну что, православные, давайте работать! Пименов, ты фотки сделал? Ставьте козлы на место, будем труп снимать.

Я помог поставить козлы на ножки, для себя отметил, что они довольно тяжелые, одному перемещать эту громоздкую конструкцию неудобно.

Труп Горбаша положили на пол, судебно-медицинский эксперт осмотрел странгуляционную борозду, потрогал подъязычную кость.

— Самоубийство! — вынес он предварительное заключение.

— Я же говорила, что зря приехали, — подала голос из автомобиля следователь.

— Участковый, ты где? — спросил Максим Павлович. — Пиши протокол осмотра.

На морозе авторучка у участкового отказалась работать. Он попробовал согреть ее дыханием, но тепла хватило только на две строки.

— Держи! — инспектор протянул ему карандаш. — Всему-то вас, молодежь, учить надо! Протокол осмотра напишешь карандашом, в отделе ручкой буквы обведешь. Доктор, ну что, начнем? Как гово-

рится: «На трупе одето...» О, Андрей, ты где? Подскажи, покойник всегда так одевался или у него сегодня праздник был? Кстати, когда он помер?

— Вскрытие проведу — скажу, — пробурчал эксперт.

«Странно все это, — размышлял я, наблюдая за действиями судебного медика. — Козлы в известке, в засохшем растворе, а одежда у инженера чистая, словно он занес козлы в теплоузел на вытянутых руках. Или они тут стояли, и он только подвинул их под трубу? Еще странность: у Горбаша была всегда до блеска начищенная обувь, а тут носки туфель потерты, словно его, пьяного, волокли под руки по асфальту».

— Андрей! — позвали меня с улицы.

Я вышел. Малоознакомый заводской парень сообщил: «Тебя Татьяна у столовой ждет».

Татьяной, просто Татьяной, без отчества, звали технолога пряничного цеха Татьяну Авдеевну Маркину, тридцатидвухлетнюю симпатичную женщину, мать-одиночку, проживающую на втором этаже нашего общежития. Почему ее, единственную из руководства завода, звали исключительно по имени, я не знал.

— Андрей, — вполголоса сказала Татьяна, — директор говорит, может, стол накрыть надо? Чай, булочки, орешков вазочку насыплем, сгущенки нальем.

— Брикет шербета есть? — вместо ответа спросил я. — Подели брикет на четыре части и принеси сюда. Опергруппа на месте происшествия долго не задержится, так что одним брикетом обойдемся.

Я вернулся к теплоузелу, потолкался возле трупа, через плечо участкового прочитал протокол осмотра, составленный под диктовку судебного медика.

От погрузки тела на носилки мне удалось увильнуть. Пока инспектор ОУР опрашивал грузчика Боброва, первым обнаружившего Горбаша, я сходил к столовой, забрал брикет, аккуратно завернутый в вощеную бумагу.

— Ну что, поехали? — спросил Максим Павлович, закончив работу.

Я молча протянул ему сверток. Инспектор осторожно развернул уголок, с наслаждением понюхал содержимое.

— Сегодня сделали? — спросил он. — Сразу чувствуется — свежак! В магазине такой никогда не купишь. Спасибо, брат!

Он похлопал меня по плечу, сел в автомобиль и укатил со всей свитой в райотдел. Объяснять коллеге, что первая партия шербета еще остывает в формочках, я не стал.

По пути в общежитие я велел Боброву зайти ко мне вечером, сообщил Татьяне, что ее подарок всех устроил, и пошел к директору.

— Ну как? Что с шербетом? — с порога спросил он.

— Вороны на крыше второго корпуса доедают. Шербет на морозе затвердел, как кирпич, но по виду свежий был, наверное, вчерашний.

— Что твои коллеги говорят? Это самоубийство?

Я, не вдаваясь в подробности, пересказал выводы судебного медика. Полубояринов посокрушался, что его деятельный и образованный инженер совершил

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

такой необдуманный поступок, и отпустил меня. Поднявшись в комнату, я вскипятил чай, закурил, сел у окна.

«Слава богу, что вчера я целые сутки был у всех на виду, — подумал я. — Покончил с собой Горбаш или ему помогли, вчера он вздернулся или сегодня рано утром — мне без разницы. Меня в это время на заводе не было».

Глава 3

Во время учебы я твердо решил, что буду жить отдельно от родителей. В Омске я привык к независимости, к отсутствию диктата в быту. В школе я мог распоряжаться свободным временем по своему усмотрению, а в родительской квартире — нет. Я не мог привести в гости понравившуюся девушку и уединиться с ней на всю ночь или пригласить друзей выпить водки после работы или удачно выполненного задания.

Мои родители считали, что интимные отношения до брака — это разврат, я же был уверен, что пуританское воздержание и условности со штампом в паспорте — средневековый идиотизм. Нравится тебе ухаживать за женщиной три года, кто же не дает? Гуляй с ней по городу, дари цветочки, сочиняй стихи. Вольному — воля! Но если вас влечет друг к другу, и девушка ждет от тебя любви и ласки? Что делать? Соблюсти условности и рассказать ей о творчестве Бродского? Я бы рад рассказать, но толком не знаю, кто этот мужик. Вроде бы поэт, о котором сроду бы никто не знал, если бы его стихи цензура не запрещала.

Как-то мне, соблюдая правила конспирации, дали прочитать одно его стихотворение. Я был изумлен. В этом опусе не было ни матерных слов, ни проклятий в адрес советской власти, ни пошлых намеков. За что его запретили, для меня осталось загадкой.

Со спиртным та же история — одни условности и ограничения. Мать и отец, демонстрируя редкое единодушие, считали, что употреблять спиртные напитки можно только по праздникам. Полностью согласен, но что делать, если душа просит праздника, а в календаре его нет? Словом, жил бы я один, творил бы что хотел, а в родительской семье меня ожидали только условности и запреты.

Перед окончанием школы, во время стажировки, я объехал всех начальников райотделов и предложил свои услуги. Вкратце мое предложение выглядело так:

— Я буду служить вам лично и возглавляемому вами райотделу с преданностью цепного пса. Я буду работать сутками, не считаясь с личным временем. Мне ничего не надо взамен. Кроме отдельной жилплощади. Какой угодно, но отдельной.

Начальники РОВД вздыхали и с сожалением объясняли, что готовы взять меня хоть завтра, но жилье предоставить не могут, так как я прописан у родителей и в улучшении жилищных условий не нуждаюсь.

Последним я встретился с начальником Заводского РОВД Вьюгиным Сергеем Сергеевичем. Выслушав меня, он задал несколько профессиональных вопросов, проверяя, насколько я готов к самостоятельной работе и будет ли с меня толк в будущем.

— Ну что же, ты мне подходишь, — сказал Вьюгин. — С распределением вопрос я решу, с жильем

помогу. В заводское общежитие пойдешь? Комната отдельная, удобства на этаже.

В этот миг мне показалось, что я ни о чем в последние годы так не мечтал, как о комнате в рабочем общежитии. Я начал сбивчиво благодарить Вьюгина, но он, коварно усмехнувшись, продолжил:

— У меня тоже будет условие. За отдельное жилье ты будешь обязан отработать в моем отделе пять лет. Если в течение этого срока тебе предложат пойти на повышение в другой орган милиции, ты откажешься. Откажешься, даже если на новом месте предоставят отдельную квартиру и досрочно повысят в звании. С ответом не спеши, подумай.

— Мне нечего думать. Я согласен.

— Тогда бери лист бумаги и пиши расписку.

Я взял авторучку, но Вьюгин остановил меня:

— погоди, так дело не пойдет. Ручкой любой дурак написать сможет. Ты кровью расписку напиши, тогда я поверю, что ты — хозяин своему слову.

Честно говоря, я написал бы расписку хоть кровью, хоть кровавыми слезами. Отдельное жилье того стоило. На общих условиях точно такую же комнату мне предоставят лет через шесть-семь, а тут — сразу, в обмен на какую-то расписку... Но как писать кровью? Проткнуть палец иголкой и начать кровью выводить на бумаге расплзающиеся буквы? Насколько одного прокола хватит? И еще вопрос: где эту самую иголку взять?

Я размышлял не более секунды:

— Сергей Сергеевич, я напишу расписку авторучкой, а подпись, если надо, поставлю кровью.

Вьюгин засмеялся:

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Зайди на той неделе, предметно поговорим, обсудим сроки. Расписку можешь не писать. Я тебе на слово верю.

С первых дней работы в уголовном розыске шефство надо мной взял заместитель начальника РОВД по оперативной работе Геннадий Александрович Клементьев. Как-то, находясь в хорошем расположении духа, он завел разговор о расписке:

— Если бы ты, не задумываясь, стал писать расписку кровью, то Выюгин тут же выгнал бы тебя и запретил впредь твое имя в своем присутствии упоминать. Доверчивым простачкам, придуркам и подхалимам в милиции не место!

В следующую нашу встречу Выюгин сообщил, что как только я выйду на работу, мне предоставят комнату в общежитии хлебокомбината. С кем он договаривался и на каких условиях, я не знаю, но территориально хлебокомбинат располагался в другом районе, то есть обычным, законным путем, через райисполком, решить вопрос о предоставлении мне жилья было невозможно.

Получив диплом и лейтенантские погоны, я вернулся в родной город. Впереди меня ждал месяц отпуска, который я планировал посвятить сладостному безделью: чтению детективных романов на диване, встречам с друзьями и знакомыми, пиву, прогулкам по набережной, флирту с хорошенькими девушками.

Но не тут-то было! На дворе стоял август, и этим все сказано. К августу у родителей на мичуринском участке накопилось море работы, которая без меня простаивала. Пару дней я безропотно помахал тляпкой, вскопал грядки, помог починить крышу. Потом

начал звереть от отсутствия цивилизации и развлечений.

Мичуринский участок — это заповедный уголок средневековья, где современный городской человек приобщается к труду и быту крепостного крестьянина начала XIX века. Даже хуже! У крестьянина была лошадь, а на мичуринском все приходилось делать руками. Крепостной крестьянин после отработки барщины мог заняться своим хозяйством, я же увильнуть никуда не мог.

Вскоре отец и мать вышли на работу, а меня оставили охранять урожай. Пожив сутки один, я чуть не взвыл от отчаяния: за что мне такое наказание — куковать одному в безлюдном массиве крохотных домиков? Я же четыре года в Омске не на землекопа и не на сторожа учился. На кой черт мне месяц жизни на «свежем воздухе» убивать? Здесь, в мичуринских садах, словом не с кем переброситься. Через забор видны одни лишь спины и зады копошащихся в земле немолодых женщин в синем нейлоновом трико. Вся молодежь в городе, а я — в изоляции, даже магазина рядом нет и пива выпить не с кем.

В субботу, воспользовавшись приездом родителей, я вырвался в город, приехал в райотдел и попросился выйти на работу до окончания отпуска.

«Потом как-нибудь отгуляю!» — решил я и по неопытности ошибся.

Отгулять оставшиеся двадцать дней мне в этом году не дали, а на следующий год про них «забыли».

Вьюгин был в отпуске. Отделом руководил Клементьев. Узнав о моей необычайной просьбе, он искренне посмеялся:

КАПЛЯ ЧУЖОЙ ВИНЫ

— Допекло тебя сельское хозяйство? Понимаю. Жизнь на мичуринском хуже, чем в деревне. Там городские девки на каникулы приезжают, танцы в клубе, винишко в сельмаге, а тут — работа от зари до зари и радикулит в знак благодарности. На работу можешь завтра выходить, а с жильем как поступим? Ключи раньше сентября ты не получишь.

Ответ я продумал заранее, даже съездил на хлебо-завод, посмотрел на общежитие.

— Мне могут предоставить в этой же общаге койко-место?

— Ты пойдешь жить в одну комнату с заводской молодежью? — с сомнением спросил он.

— Геннадий Александрович! Я четыре года прожил в мужском коллективе. Я знаю, как пахнут пропотевшие портянки и какая вонь стоит в казарме под утро. После школы милиции меня ничего не смутит, я в любой коллектив впишусь.

— В среду зайди, я скажу, к кому в общежитии обратиться.

Родители, узнав о моей подлой измене, разобиделись. Они распланировали строительно-полевые работы до самого сентября, а тут безропотный работник взял и смылся, выдумав неправдоподобный предлог — начальство из отпуска отзывает!

— Ты еще ни дня не работал, зачем тебя отзывать? — дрожащим от негодования голосом возмутился отец. — Ты что, специалист, без которого производство встанет? Так и скажи: «Не хочу родителям помогать! Пусть они зимой голодают».

Песенку о голодной зиме я слышал с самого детства, так что впечатления на меня она не произвела.